

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА / FORENSIC MEDICINE

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.67>

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В РОССИИ

Научная статья

Голенков А.В.¹, Идрисова М.Н.^{2*}, Чернова А.Ю.³, Иванова Д.Е.⁴¹ORCID : 0000-0002-3799-0736;^{1, 2, 3, 4}Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mashaidrisova3[at]gmail.com)

Аннотация

Массовые убийства мало изучены в Российской Федерации (РФ), при том, что прослеживается тенденция к их росту в нашей стране. Материалы и методы. Анализировались 303 убийства (с тремя жертвами и более), совершенных 303 убийцами (мужчин – 295, женщин – 8) в возрасте от 15 до 71 лет (средний возраст – 33,6±11,0 года) в 85 регионах РФ в 2002-2021 гг. Источником сбора данных являлись открытые электронные источники: новостные порталы регионов РФ, средства массовой информации, сайты следственных комитетов субъектов РФ, содержащие репортажи по убийствам за 20 лет. Результаты. Как показал анализ, среди массовых убийц отчетливо преобладали мужчины (97,4%) в возрасте от 20 до 59 лет (91,7%), большинство проживали в городе (55,8%) и находились в состоянии алкогольного опьянения (56,8%) в момент деликта. Убийства чаще всего (53,8%) совершались колюще-режущими предметами (53,8%), а жертвами оказывались знакомые агрессору люди (58,7%). Ведущей причиной преступления являлись различные конфликты (67,7%). Психические расстройства редко указывались в репортажах (8,6%), судимыми были 26,4% преступников. Всего погибло 1020 жертв (56,7% мужского пола; дети до 18 лет – 16,4%, 18-59 лет – 72,9%, 60 лет и старше – 10,7%). С тремя жертвами было 75,2% МУ, с четырьмя – 17,2%, с пятью и более – 7,6% (максимум – 10). Преимущественно три жертвы чаще выявлялись среди знакомых убийцы, а пять и более – в группе потерпевших, куда входили дети. Три жертвы чаще были убиты с помощью колюще-режущих предметов – кухонных или специальных ножей, а пять – там, где прибегали к поджогам. Женщины чаще убивали свои жертвы путем поджога и ими оказывались родственники агрессора, по причине мести; у мужчин – главными мотивами были различные конфликты. Ранее судимые убийцы чаще убивали своих знакомых, а не имеющие «тюремного опыта» – незнакомых людей, своих родственников и детей. Находящиеся в состоянии алкогольного опьянения убивали тех, с кем вместе пили и незнакомых людей, реже прибегали к огнестрельному оружию; главным мотивом убийств у пьяных преступников служили конфликты. Заключение. Массовые убийства в РФ соответствуют демографическим показателям таких деликтов из других стран, но отличаются большей долей использования колюще-режущих предметов и редким – огнестрельного оружия. Наравне с семейно-бытовыми массовые убийства, значительную часть в нашей выборке составляют «хулиганские» и «общуголовные» массовые убийства. Изученные деликты во многом напоминают обычные убийства, но только с большим числом жертв.

Ключевые слова: массовые убийства, орудия, жертвы, причины (мотивы), Россия.

MASS MURDERS IN RUSSIA

Research article

Golenkov A.V.¹, Idrisova M.N.^{2*}, Chernova A.Y.³, Ivanova D.E.⁴¹ORCID : 0000-0002-3799-0736;^{1, 2, 3, 4}Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russian Federation

* Corresponding author (mashaidrisova3[at]gmail.com)

Abstract

Mass murders are understudied in the Russian Federation (RF), while there is a tendency for them to increase in our country. Materials and Methods. 303 murders (with three victims or more) committed by 303 murderers (men – 295, women – 8) aged 15 to 71 years (mean age – 33.6±11.0 years) in 85 regions of the Russian Federation in 2002-2021 were analysed. The source of data collection was open electronic sources: news portals of Russian regions, mass media, websites of investigative committees of Russian subjects containing reports on murders for 20 years. Results. The analysis showed that mass murderers were clearly predominantly male (97.4%), aged between 20 and 59 years (91.7%), most lived in the city (55.8%) and were under the influence of alcohol (56.8%) at the time of the tort. Murders were most often (53.8%) committed with stabbing and cutting objects (53.8%), and the victims were people known to the aggressor (58.7%). The leading cause of the offence was various conflicts (67.7%). Mental disorders were rarely reported (8.6%), and 26.4% of perpetrators had a criminal record. A total of 1,020 victims died (56.7% male; children under 18 years of age 16.4%, 18–59 years of age 72.9%, 60 years and older 10.7%). With three victims there were 75.2% of MU, with four victims 17.2%, and with five or more victims 7.6% (maximum 10). The predominantly three victims were more often identified among acquaintances of the murderer, and five or more in a group of victims that included children. Three victims were more often killed with stabbing objects, such as kitchen knives or specific knives, and five victims were more often killed with arson. Women more often killed their victims by arson, and they were relatives of the aggressor for reasons of revenge; in the case of men, the main motive was various conflicts. Previously convicted murderers more often killed their acquaintances, while those with no "prison experience" – killed strangers, their relatives and children. Those who were in a state of alcoholic intoxication killed those with whom they drank together and strangers, and less often resorted to firearms; conflicts were the main motive for the murders of drunken criminals. Conclusion.

Mass murders in the Russian Federation correspond to the demographic indicators of such torts from other countries, but are characterized by a higher proportion of the use of stabbing and cutting objects and a rare use of firearms. Along with family and domestic mass murders, "hooligan" and "general criminal" mass murders account for a significant proportion of our sample. In many respects, the torts studied resemble ordinary murders, but with a larger number of victims.

Keywords: mass murders, weapons, victims, reasons (motives), Russia.

Введение

Массовыми убийствами (МУ) в научной литературе считается преднамеренное лишение жизни нескольких людей (3-5) в течение короткого промежутка времени (24 часа) [7], [8], [12]. Число три как минимальное число жертв для квалификации МУ встречается во многих научных исследованиях [1], [9], [16]. МУ обычно совершаются в каком-то (жилом или служебном) помещении, но встречаются случаи, когда жертвы были убиты в разных местах с коротким промежутком времени (так называемые «раздвоенные», разделенные по локации МУ) [18].

МУ составляет менее 0,2% всех убийств в США [8]. По другим данным, МУ считается редким деликтом с частотой 0,2 до 0,38 на 100 000 человек [12]. Большинство исследований МУ проведено в США [11], [13], [15], [18], [20]. С 2006 по 2020 гг. было совершено 448 МУ, с участием 567 правонарушителей, 2357 жертв убиты и еще 1693 – ранены. В 2016-2019 гг. доля смертей в МУ составила 1,2% по сравнению с 0,9% за предыдущее десятилетие [7]. МУ также изучались в Австралии, Новой Зеландии и Великобритании (7 случаев в 1987-1996) [6], Швеции (14; 1960-1995) [17], Швейцарии (20; 1972-2015) [9], Канаде (307; 1974-2020) [16]; отдельные случаи регистрировались в Бразилии [2], [19].

В Российской Федерации (РФ) описание МУ (множественные убийства по терминологии автора монографии) приведены в [1]. В ней анализируются 100 лиц, осужденных Московским городским судом за убийства трех человек и более (7-8%) в 2001-2006 гг. МУ в образовательных учреждениях (скулшутинг) РФ, взятые из публикаций и Интернета РФ в 2014-2021 гг., обсуждаются в [3]. При этом авторы к критериям массовых расстрелов отнесли убийства двух человек и более; не все случаи являлись МУ, а анализ в основном основывался на обзоре опубликованных работ. Случаи МУ с самоубийством агрессоров описаны нами ранее [4]. В.Д. Бадмаева и соавт. приводят клинико-психопатологический анализ подростков-правонарушителей, совершивших нападения на учебные заведения; однако большинство случаев не относится к МУ [2].

Краткий обзор литературы показал, что интерес к МУ в последнее время повысился [8], [9], [13], [16], в том числе с тенденцией к росту таких случаев в странах мира [7], [17], [19], включая РФ [1]. Накопленный к этому времени материал требует новых и углубленных сравнительных исследований с учетом особенностей использованного оружия, групп агрессоров, видов МУ и их причин [6], [13], [15], [20]. Учитывая, что «школьные расстрелы» и МУ с самоубийством агрессора являются самостоятельным криминальным феноменом [3], [4], [13], [18], имеет смысл проанализировать МУ в РФ с исключением этих двух категорий агрессоров.

Объекты и методы исследования

Анализируются 303 убийства, совершенных 303 убийцами (мужчин – 295, женщин – 8) в возрасте от 15 до 71 лет (средний возраст – 33,6±11,0 года) в 85 регионах РФ с 6 февраля 2002 г. по 27 ноября 2021 г. Источником сбора данных являлись открытые электронные источники: новостные порталы регионов РФ, средства массовой информации (СМИ), сайты следственных комитетов субъектов РФ, содержащие криминальные репортажи, включая заметки по убийствам с тремя и более жертвами за 20 лет.

Критериями включения в исследование было:

– одномоментное убийство трех человек и более, без периода «охлаждения», совершенные в короткий период времени/друг за другом.

Критериями исключения из исследования являлись:

- МУ с самоубийством преступника после убийства;
- МУ, совершенные в группе;
- МУ, совершенные в стенах учебных и образовательных учреждений;
- террористические акты, случаи серийных убийств.

Учитывались медико-социальные (пол агрессора, его возраст, регион с уточнением городской/сельской местности, указание на психические расстройства) и криминальные показатели (судимость преступника, орудия агрессии, число жертв), а также пол, возраст и взаимоотношение жертв с агрессором, характер ПР, алкогольное опьянение и особенности случая.

Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики (расчет среднего значения – M , стандартного отклонения – SD) и χ^2 -распределения. Когда один или несколько показателей были ≤ 5 , использовали поправку Йейтса.

Результаты и их обсуждение

Как показал анализ, среди массовых убийц отчетливо преобладали мужчины (97,4%) в возрасте от 20 до 59 лет (91,7%), большинство проживали в городе (55,8%) и находились в состоянии алкогольного опьянения (56,8%) в момент деликта. Как видно из таблицы 1, убийства чаще всего совершались колюще-режущими предметами (53,8%), а жертвами оказывались знакомые агрессору люди (58,7%). Среди 1020 потерпевших (в возрасте от 1 месяца до 90 лет) преобладали мужчины (56,7%) и совершеннолетние граждане (83,6%); детей было 16,4%, лиц 60 лет старше – 10,7%; в среднем на один инцидент приходилось 3,37 жертвы. Выжившие при МУ указывались только в 10 случаях; сведения о получивших ранения гражданах не сообщались в репортажах.

Таблица 1 - Демографические и криминологические показатели МУ в группах сравнения

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.67.1>

Показатель	Оба пола ³⁰³ , %	М ²⁹⁵ , %	Ж ⁸ , %	Судимые ⁸⁰ , %	Алкогольное опьянение ¹⁷ , %	МУ с 4 жертвами и более ⁷⁵ , %
Демографические показатели						
≤19 лет	6,3	6,4	-	3,8	6,4	5,3
≥60 лет	2,0	1,7	12,5	-	1,2	-
Горожане	55,8	55,3	75,0	60,0	55,8	53,3
Орудия (способ) убийств						
Колюще-режущие предметы	53,8	54,2	37,5	56,3	55,2	41,3
Огнестрельное	13,2	13,6	-	8,7	8,2	12,0
Поджог	11,9	10,8	50,0	8,7	14,5	22,7
Прочие	5,9	5,8	12,5	7,5	5,8	6,7
Несколько методов	15,2	15,6	-	18,8	16,3	17,3
Группа жертв убийств						
Родственники	16,2	15,3	50,0	7,5	10,4	12,0
Знакомые	58,7	59,3	37,5	75,0	69,8	38,7
Незнакомые	9,6	9,8	-	3,7	5,8	12,0
Жертвы из разных групп	15,5	15,6	12,5	13,8	14,0	37,3
Мотивы (причины) убийств						
Конфликт	67,7	68,5	37,5	76,2	77,9	68,0
Мечь	6,6	5,4	50,0	5,0	5,2	6,7
Ограбление	5,9	6,1	-	2,5	5,2	8,0
Ревность	5,6	5,8	-	6,3	4,7	6,7
Прочие	11,2	11,2	12,5	10,0	4,7	10,6

Примечание: надстрочные цифры указывают число наблюдений

Ведущей причиной МУ являлись различные конфликты (67,7%). Психические расстройства редко указывались в репортажах (8,6%), судимыми были 26,4% преступников.

С тремя жертвами было 75,2% МУ, с четырьмя – 17,2%, с пятью и более – 7,6% (максимум жертв – 10). Анализ показал достоверную связь с использованием орудий убийств ($\chi^2=34,124$; $df=8$; $p<0,001$) и группой жертв ($\chi^2=19,927$; $df=6$; $p=0,002$). Так, преимущественно три жертвы чаще выявлялись среди знакомых убийцы (62,3% vs 48,0%; $\chi^2=4,749$; $df=1$; $p=0,029$), а пять и более – в группе потерпевших, куда входили дети (47,8% vs 27,5%; $\chi^2=4,261$; $df=1$; $p=0,038$). Три жертвы чаще были убиты с помощью колюще-режущих предметов – кухонных или специальных ножей, топоров и лопат (57,9%; $\chi^2=6,228$; $df=1$; $p=0,012$), а пять – там, где прибегали к поджогам (27,8%; $\chi^2=23,734$; $df=1$; $p<0,001$).

Женщины чаще убивали свои жертвы путем поджога (50%; $\chi^2=7,971$; $df=1$; $p=0,005$) и ими оказывались родственники агрессора (50%; $\chi^2=9,736$; $df=1$; $p=0,001$), по причине мести (50%; $\chi^2=18,394$; $df=1$; $p<0,001$); у мужчин – главным мотивами были различные конфликты (68,5%; $\chi^2=4,977$; $df=1$; $p=0,025$).

Ранее судимые лица чаще убивали своих знакомых (75%; $\chi^2=11,850$; $df=1$; $p<0,001$), а не имеющие «тюремного опыта» – незнакомых людей (11,7%; $\chi^2=5,218$; $df=1$; $p=0,022$), своих родственников (19,7%; $\chi^2=6,029$; $df=1$; $p=0,014$) и детей (24,6%; $\chi^2=4,439$; $df=1$; $p=0,035$).

Находящиеся в состоянии алкогольного опьянения убивали тех, с кем вместе пили (69,8%; $\chi^2=19,941$; $df=1$; $p<0,001$), но только не родственников (10,5 vs 23,7%; $\chi^2=9,556$; $df=1$; $p=0,001$) и незнакомых людей (5,8 vs 14,5%; $\chi^2=6,286$; $df=1$; $p=0,012$), реже прибегали к огнестрельному оружию (8,1 vs 19,8%; $\chi^2=8,896$; $df=1$; $p=0,002$); главным мотивом у пьяных преступников служили конфликты (77,9%; $\chi^2=19,102$; $df=1$; $p<0,001$).

В помещениях (квартире, доме, кафе) было совершено 82,2% МУ, на открытом воздухе (улице, поле, озеро, река) – 14,5%, в разных местах (помещение и машина; дом и улица и др.), но на одной территории (локации) МУ фигурировали в 3,3% репортажей.

Собранный в электронных региональных СМИ РФ материал в 2002-2021 гг. является репрезентативным для РФ (85 регионов). Общее число случаев МУ пригодных для включения в исследование составило 303 с учетом исключения некоторых групп МУ. В научной литературе многие работы основаны на значительно меньших выборках МУ, взятых из СМИ [8], [13], [20].

Совпадают полученные нами данные с другим российским исследованием [1] об орудиях убийств (преобладали колюще-режущие предметы и относительная редкость огнестрельного оружия) при МУ, совершенных в алкогольном опьянении (около 60%), находят подтверждения такие характеристики МУ, как возраст (преимущественно 30-35 лет) агрессоров (средний – 33,6±11,0 года), малая доля психических расстройств (8,5%) и женщин (2,6%) [7], [9], [11]. В РФ было совершено сравнительно больше МУ в сельской местности (44,2%), чем в США (10-30%) [8].

Отсутствие различий между МУ совершенных подростками с преступниками из других возрастных групп объясняется малым числом наблюдений и исключением «школьных стрелков» из настоящего анализа [13], [18].

МУ в нашей выборке в чем-то совпадают с «обычными» убийствами в РФ с меньшим числом жертв, собранных также в электронных СМИ [5]. В частности, чаще всего используются колюще-режущие орудия, относительно редко – огнестрельное оружие; оба вида убийств совершаются в состоянии опьянения молодыми мужчинами вследствие межличностных конфликтов. Схожими выглядят пропорции горожан и селян среди фигурантов убийств. При обычных убийствах значительно больше лиц с психическими расстройствами и женщин среди агрессоров [5], [14]. При МУ – достаточно часто отмечается поджог как способ убийства многочисленных жертв. Это, видимо, неслучайно, так как в исследовании J. Fox, J. Levin поджоги встречались в 6,5% МУ, занимая третье место после огнестрельного оружия (72,6%) и колюще-режущие предметов (10,2%) [7].

Обсуждаемая классификация МУ [7], [8] с выделением «семейных, криминальных и социальных» разновидностей убийств с многочисленными жертвами не в полной мере подходит к нашей выборке наблюдений. Если «семейные МУ» не вызывают возражений и легко квалифицируются, то критерии «криминальных и социальных МУ» применимы лишь к небольшой доле случаев. Так, финансовая выгода и криминальные мотивы (сокрытие другого преступления или его содействие) прослеживалась в 5,9% случаев наших МУ. То же самое относится к «социальным (публичным) МУ». Возможно, наши трудности, связанные с квалификацией МУ связаны с недостатком информации о совершении деликта, а также исключением из выборки случаев МУ, совершенных в учебных (образовательных) учреждениях, в группе и с совершением самоубийства после убийства. Типология J. Knoll также лишь частично решает проблему квалификации МУ [12]. Определяются различные группы с обидой (на какую-то группу, на людей в целом в силу психопатологии, на рабочем месте), но с вариантами, имеющую психотическую и депрессивную симптоматику возникают определенные трудности. Классификация Ю.М. Антоняна [1] представляется нам более пригодной для использования в РФ. Наравне с семейно-бытовыми МУ, значительную долю в обсуждаемой выборке составляют «хулиганские» и «общеуголовные». Другие типы («мафиозные, политические, заказные, террористические») в наших наблюдениях не встретились.

Закключение

МУ в РФ соответствуют демографическим показателям таких деликтов из других стран, но отличаются большей долей использования колюще-режущих предметов и редким – огнестрельного оружия. Низкая доля убийств с психической патологией нуждается в проверке в судебно-психиатрической практике, как и некоторые другие показатели, обсуждаемые в научной литературе.

Нашло подтверждение наличие «семейно-бытовых» МУ в изученной выборке, а другие типы требуют осмысления и дополнительных исследований. Относительно низкой оказалась распространенность «социальных» и «криминальных» МУ при значительно большей встречаемости «хулиганских» и «общеуголовных». МУ в РФ во многом напоминают обычные убийства, но только с большим числом жертв.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Антонян Ю.М. Множественные убийства: природа и причины: монография / Ю.М. Антонян. — М.: Логос, 2012. — 208 с.
2. Бадмаева В.Д. Клинико-психопатологический анализ подростков-правонарушителей, совершивших социально-резонансные нападения на учебные заведения / В.Д. Бадмаева, Е.В. Макушкин, Н.А. Александрова [и др.] // Российский психиатрический журнал. — 2021. — № 5. — С. 40–51.
3. Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 578–591.

4. Голенков А.В. Анализ самоубийств агрессоров после массовых убийств / А.В. Голенков, П.Б. Зотов // Суицидология. — 2022. — Т. 13. №3 (48) — С. 39-57.
5. Голенков А.В. Постгомицидные самоубийств: монография / А.В. Голенков, П.Б. Зотов. — Тюмень: Вектор-Бук, 2022. — 424 с.
6. Cantor C.H. Mass Homicide: the Civil Massacre / C.H. Cantor, P.E Mullen., P.A. Alpers // J. Am. Acad. Psychiatry Law. — 2000. — Vol. 28(1). — P. 55-63.
7. Fox J.A. Mass Murder in America: Trends, Characteristics, Explanations, and Policy Response / J.A. Fox, J. Levin // Homicide Studies. — 2022. — Vol. 26(1). — P. 27-46.
8. Fridel E.E. A Multivariate Comparison of Family, Felony, and Public Mass Murders in the United States / E.E. Fridel // J. Interpers Violence. — 2021. — Vol. 36(3-4). — P. 1092-1118.
9. Frei A. Is Familicide a Distinct Subtype of Mass Murder? Evidence from a Swiss National Cohort / A. Frei, A. Ilic // Crim. Behav. Ment. Health. — 2020. — Vol. — 30(1). — P. 28-37.
10. Hesson H.M. Victimology of Mass Shootings and Mass Murders Not Involving Firearms / H.M. Hesson, E.A. Shea, P.S. Appelbaum [et al.] // Violence Vict. — 2023. — Vol. 38(1). — P. 15-24.
11. Katsavdakakis K.A. A Female Mass Murder / K.A. Katsavdakakis, J.R. Meloy, S.G. White // J. Forensic Sci. — 2011. — Vol. 56(3). — P. 813-818.
12. Knoll J.L. 4th. Mass Murder: Causes, Classification, and Prevention / J.L. 4th. Knoll // Psychiatr. Clin. North Am. — 2012. — Vol. 35(4). — P. 757-780.
13. Girgis R.R. Mass Murders Involving Firearms and Other Methods in School, College, and University Settings: Findings from the Columbia Mass Murder Database / R.R. Girgis, R.T. Rogers, H. Hesson [et al.] // J. Forensic Sci. — 2023. — Vol. 68(1). — P. 207-211.
14. Golenkov A. Homicide and Mental Disorder in a Region with a High Homicide Rate / A. Golenkov, M. Large, O. Nielssen, A. Tsymbalova // Asian J. Psychiatry. — 2016. — Vol. 23. — P. 87-92.
15. Gurian E.A. Offending, Adjudication, and Outcome Patterns of Solo Male, Solo Female, and Partnered Mass Murderers / E.A. Gurian // Int. J. Offender Ther. Comp. Criminol. — 2018. — Vol. 62(7). — P. 1906-1924.
16. Langmann C. Mass Homicide by Firearm in Canada: Effects of Legislation / C. Langmann // PLoS One. — 2023. — Vol. 3;18(2). — e0266579.
17. Lindquist O. Violent Mass Shootings in Sweden from 1960 to 1995: Profiles, Patterns, and Motives / O. Lindquist, L. Lidberg // Am. J. Forensic Med. Pathol. — 1998. — Vol. 19(1). — P. 34-45.
18. Meloy J.R. A Comparative Analysis of North American Adolescent and Adult Mass Murderers / J.R. Meloy, A.G. Hempel, B.T. Gray [et al.] // Behav. Sci. Law. — 2004. — Vol. 22(3). — P. 291-309.
19. Roza T.H. Mass murders in Brazil: the rise of a tragic forensic and public health problem / T.H. Roza, A.M. Valença, M.F. Alexandre [et al.] // Braz. J. Psychiatry. — 2023. — May 25.
20. Taylor M.A. A Comprehensive Study of Mass Murder Precipitants and Motivations of Offenders / M.A. Taylor // Int. J. Offender Ther. Comp. Criminol. — 2018. — Vol. 62(2). — P. 427-449.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Antonjan Ju.M. Mnozhestvennye ubijstva: priroda i prichiny: monografija [Multiple Killings: Nature and Causes: monograph] / Ju.M. Antonjan. — M.: Logos, 2012. — 208 p. [in Russian]
2. Badmaeva V.D. Kliniko-psihopatologicheskij analiz podrostkov-pravonarushitelej, sovershivshih social'no-rezonansnye napadenija na uchebnye zavedenija [Clinicopathological and Psychopathological Analysis of Adolescent Offenders Who Committed Socially Resonant Attacks on Educational Institutions] / V.D. Badmaeva, E.V. Makushkin, N.A. Aleksandrova [et al.] // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Psychiatric Journal]. — 2021. — № 5. — P. 40–51. [in Russian]
3. Volcheckaja T.S. Kriminologicheskaja harakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullinga v Rossii i zarubezhnyh stranah [A Criminological Characterization and Prevention of School Shootings and Cyberbullying in Russia and Foreign Countries] / T.S. Volcheckaja, M.V. Avak'jan, E.V. Osipova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]. — 2021. — Vol. 15, № 5. — P. 578–591. [in Russian]
4. Golenkov A.V. Analiz samoubijstv agressorov posle massovyh ubijstv [An Analysis of Aggressors' Suicides after Mass Murders] / A.V. Golenkov, P.B. Zotov // Suicidologija [Suicidology]. — 2022. — Vol. 13. №3 (48) — P. 39-57. [in Russian]
5. Golenkov A.V. Postgomicidnye samoubijstv: monografija [Posthomicide Suicides: monograph] / A.V. Golenkov, P.B. Zotov. — Tyumen: Vektor-Buk, 2022. — 424 p. [in Russian]
6. Cantor C.H. Mass Homicide: the Civil Massacre / C.H. Cantor, P.E Mullen., P.A. Alpers // J. Am. Acad. Psychiatry Law. — 2000. — Vol. 28(1). — P. 55-63.
7. Fox J.A. Mass Murder in America: Trends, Characteristics, Explanations, and Policy Response / J.A. Fox, J. Levin // Homicide Studies. — 2022. — Vol. 26(1). — P. 27-46.
8. Fridel E.E. A Multivariate Comparison of Family, Felony, and Public Mass Murders in the United States / E.E. Fridel // J. Interpers Violence. — 2021. — Vol. 36(3-4). — P. 1092-1118.
9. Frei A. Is Familicide a Distinct Subtype of Mass Murder? Evidence from a Swiss National Cohort / A. Frei, A. Ilic // Crim. Behav. Ment. Health. — 2020. — Vol. — 30(1). — P. 28-37.
10. Hesson H.M. Victimology of Mass Shootings and Mass Murders Not Involving Firearms / H.M. Hesson, E.A. Shea, P.S. Appelbaum [et al.] // Violence Vict. — 2023. — Vol. 38(1). — P. 15-24.
11. Katsavdakakis K.A. A Female Mass Murder / K.A. Katsavdakakis, J.R. Meloy, S.G. White // J. Forensic Sci. — 2011. — Vol. 56(3). — P. 813-818.
12. Knoll J.L. 4th. Mass Murder: Causes, Classification, and Prevention / J.L. 4th. Knoll // Psychiatr. Clin. North Am. — 2012. — Vol. 35(4). — P. 757-780.

13. Girgis R.R. Mass Murders Involving Firearms and Other Methods in School, College, and University Settings: Findings from the Columbia Mass Murder Database / R.R. Girgis, R.T. Rogers, H. Hesson [et al.] // *J. Forensic Sci.* — 2023. — Vol. 68(1). — P. 207-211.
14. Golenkov A. Homicide and Mental Disorder in a Region with a High Homicide Rate / A. Golenkov, M. Large, O. Nielsen, A. Tsymbalova // *Asian J. Psychiatry.* — 2016. — Vol. 23. — P. 87-92.
15. Gurian E.A. Offending, Adjudication, and Outcome Patterns of Solo Male, Solo Female, and Partnered Mass Murderers / E.A. Gurian // *Int. J. Offender Ther. Comp. Criminol.* — 2018. — Vol. 62(7). — P. 1906-1924.
16. Langmann C. Mass Homicide by Firearm in Canada: Effects of Legislation / C. Langmann // *PLoS One.* — 2023. — Vol. 3;18(2). — e0266579.
17. Lindquist O. Violent Mass Shootings in Sweden from 1960 to 1995: Profiles, Patterns, and Motives / O. Lindquist, L. Lidberg // *Am. J. Forensic Med. Pathol.* — 1998. — Vol. 19(1). — P. 34-45.
18. Meloy J.R. A Comparative Analysis of North American Adolescent and Adult Mass Murderers / J.R. Meloy, A.G. Hempel, B.T. Gray [et al.] // *Behav. Sci. Law.* — 2004. — Vol. 22(3). — P. 291-309.
19. Roza T.H. Mass murders in Brazil: the rise of a tragic forensic and public health problem / T.H. Roza, A.M. Valença, M.F. Alexandre [et al.] // *Braz. J. Psychiatry.* — 2023. — May 25.
20. Taylor M.A. A Comprehensive Study of Mass Murder Precipitants and Motivations of Offenders / M.A. Taylor // *Int. J. Offender Ther. Comp. Criminol.* — 2018. — Vol. 62(2). — P. 427-449.